

поставленный вопрос может быть отнесен и к материалу произведений писателей-билингвов. Суждение М. И. Исаева вполне справедливо, но по отношению к художественному произведению оно может быть принято только при условии *неуместного* употребления. А это условие всякий раз требует своего анализа и доказательства.

Допустимо ли заранее определить набор национальных лексем, нежелательных для использования? Думается, что нет. Употребление любого слова национального языка в художественном произведении должно быть аргументировано с точки зрения его «соразмерности и сообразности» в каждом конкретном случае. Следовательно, здесь действует тот же закон художественного отображения, который обязателен и в языке русской литературы. Немалое значение имеют и функциональные особенности отдельной лексической единицы в национальном языке, те особенности, которые так или иначе проявляются в русском тексте художественного произведения. Например, слово «мапа» в нанайском языке имеет значение 'старик', и при его использовании Григорий Ходжер дает соответствующее толкование в сноске, а Петр Киле вводит объяснение в текст, ср.: «— *Мапа*, тебе из амура нарезать талу?» (Г. Ходжер. «Амур широкий»; в сноске: Мапа — старик); «Мапа (это дед мой, а вообще старик) возвращался с охоты» (П. Киле. «Птицы поют в одиночестве»). Казалось бы, в тексте можно обойтись русским эквивалентом «старик». Но «мапа» в нанайском языке широко используется в составе прозвищ пожилых людей в сочетании со словами, обозначающими признак. Ср.: «Баоса ничего не мог делать без крика, поэтому няргинцы его чаще называли Морай-мапа» (т. е. «старик-крикун». — Г. Ходжер. «Амур широкий»). Поэтому толкование «мапа» в его нарицательном значении представляется вполне оправданным.

Приемы введения национальной лексики в текст чрезвычайно разнообразны. Разнообразны толкования ее в ссылках, имеющие лексикографический характер, энциклопедический или, так сказать, «параллельно-двуязычный». Анализ и сопоставление толкований различного типа представляет несомненный интерес и требует своего специального рассмотрения. Однако в художественном произведении злоупотребление ссылками, даже самыми «информативными», имеет негативное значение, так как нарушает цельность восприятия повествования. В сфере художественной литературы значительно более эффективен прием, который заключается в установлении ассоциативной связи между словом (или понятием) из национального языка и словом (или понятием) из русского языка. Данный прием способствует не только восприятию национальной лексики читателем при ее понятийно-семантическом сближении со словом русского языка, но и усиливает эмоциональную окрашенность, образность контекста. Следовательно, слово несет здесь определенную эстетическую нагрузку. Тем самым вопрос о национальной лексике связывается с широкой областью форм художественного отображения, которая в значительной степени зависит от национального видения автора.

Несомненно, что эстетические принципы художественной литературы генетически и территориально близких народов обнаруживают известное сходство [см. 14]. Поэтому анализ материала, по крайней мере на первоначальной стадии его разработки, должен основываться на произведениях родственных литератур. (Приведенные ниже примеры относятся главным образом к русскоязычной литературе Севера и Дальнего Востока.)

Ассоциативная связь иллюстрируется следующими контекстами: «Я носил мясо в *нё* — амбар, очень похожий на избушку на курьих ножках из русских сказок» (В. Санги. «Первый выстрел»); «*Сорни-най*... Это слово Сергей слышал почти каждый день. Его часто произносила мать. Уронит ли что-нибудь, оступится ли, обязательно вздохнет: „Сорни-най!“. Это, наверное, как русское „О боже!“, которое не сходит с уст деревенских старух» (Ю. Шесталов. «Тайна Сорни-най»).